

Мадемуазель Матт приехала в Англию не из-за нового правонарушения — она просто хотела избежать мести со стороны семей тех аристократов, которых убила, и переждать бурю в другой стране.

Но почему она выбрала Англию, которая всё ещё находилась в состоянии войны с Францией?..

— Потому что мой друг сказал, что милосердный герцог сможет предоставить мне убежище, — жалобно произнесла мадемуазель Матт, глядя на Августа; её грудь под обтягивающим лифом трепетала. Увы, Август был убеждённым гомосексуалистом, а если бы и не был, то ему всего девять лет, так что зрелище оставило его совершенно равнодушным.

Друг Джули рассказал ей многое о племяннике короля Англии — о том, что он совсем не похож на своего грозного отца, Чёрного Принца, а напротив, мягкосердечен и мил.

Среди знакомых Августа лишь отец Джо недавно навещал друга.

— Так вы друг Джо?

— Именно я, — ответила мадемуазель Матт. — Джо так и не нашёл подходящего момента, чтобы рассказать вам обо мне, но теперь, когда мы встретились, я решила попытаться счастья. Вы и вправду оказались столь добры, как он говорил. Я слышала, вы любите слушать гимны за трапезой. Возможно, вы могли бы рассмотреть мою кандидатуру? Не хочу хвастаться, но вся Европа признаёт моё вокальное мастерство.

Примечание автора: Мадемуазель Матт — историческое лицо, хотя временные рамки в романе смещены. Пожалуй, самый удивительный эпизод в биографии этой любительницы переодеваний случился на склоне лет, когда она влюбилась в маркизу, а после смерти той так горевала, что... вышла замуж за маркиза. Шутка, конечно, но ходят слухи, что они жили втроём. Французские взгляды на любовь действительно не поддаются пониманию героя, хоть стой на голове.

Джули была уверена, что её не отвергнут.

Рафаэль тоже не стал возражать, ибо верил в Августа...

— Что дало вам такую уверенность, будто я соглашусь на вашу просьбу, едва вы её изложите? — ядовито произнёс Август, и его прежняя колкость вернулась в полной мере. Вся его поза, выражение лица, каждый жест словно говорили: «Ты — ничтожество!»

Джули остолбенела. Она явно не ожидала такого. Она и не надеялась, что девятилетний герцог поймёт, что такое рыцарское отношение к дамам, но он хотя бы не должен был быть таким! Где же тот милый мальчик, о котором говорили? Где его доброта и уступчивость? Где его... доверчивость?

Будь здесь отец Джо, он бы захлебнулся от негодования. Кто, интересно, это ей «наговорил»?

Август и вправду был мягкосердечным, но это не значило, что он страдал глупостью. Предоставление убежища иностранке — дело хлопотное и рискованное. Когда-то он разрешил отцу Джо поселиться в замковой часовне отчасти из-за внешности священника, но в основном потому, что хотел заручиться расположением кардинала.

Теперь же, став покровителем отца Джо, он сам решал, кто кому больше нужен.

Джули даже не разобралась, кто здесь проситель, а кто благодетель, и уже обратилась с прошением, словно Август оказывал ей честь, соглашаясь приютить. Это неизбежно вызвало его недовольство. Круглолицый герцог, несмотря на то что вынужден был смотреть на собеседницу снизу вверх, внутренне отнюдь не чувствовал себя ниже.

Даже его золотистые вихры, казалось, выражали непокорную надменность, когда он сказал Джули:

— Как вы сами изволили заметить, вы можете лишь петь для меня. Я же должен буду рискнуть быть обвинённым в укрывательстве вражеского шпиона и взять на себя ответственность за все возможные проблемы, которые вы наверняка создадите в Англии — не сомневайтесь, ваша бурная жизнь во Франции тому порука. И зачем мне всё это? Не хватало острых ощущений?

Джули онемела. Её прежняя уверенность оказалась не более чем самонадеянностью.

Но сдаваться она не собиралась. Любовные игры ей наскучили — по крайней мере, на время, — а высокопоставленный покровитель, от которого не придётся отбиваться, был только один: этот мальчик-герцог.

С трудом собравшись, она попыталась сказать:

— Потому что вы... добрый?

— Доброта в вашем понимании стоит недорого, — с презрением отрезал Август и, решив, что разговор исчерпан, повернулся, чтобы уйти вместе с Рафаэлем.

Джули поспешно шагнула вперёд, пытаясь привлечь его внимание. Она повысила голос, в волнении выпалив:

— Вы каждый год жертвуете на благотворительность, поддерживаете бесплатные столовые, дарите подарки сиротам, вы помогли Джо. Почему бы не помочь и мне?

Август обернулся. Движение, при котором ему приходилось задираТЬ голову, он превратил в надменный жест, будто взирал на Джули свысока.

— Вам знакомо изречение святого Мартина Турского?

Джули покачала головой, ожидая продолжения.

— «Делиться — это мера благотворительности, но если переступить грань, она превращается в раздачу милостыни». Святой призывает нас делиться, но не расточать без меры.

Август сделал несколько шагов вперёд.

— Пожертвования на столовые и подарки сиротам — для меня сущие пустяки. Отец Джо — духовный наставник для меня и обитателей замка, моя помощь ему ничтожна в сравнении с тем, что он даёт нам. А вы? Что вы можете предложить мне? Кроме пения, с которым справляется даже церковный хор из малолетних певчих.

— Выражаясь прямо: если помощь вам оценить в десять, то ваша отдача не дотянет и до одной десятой. Вы спросили, хочу ли я вас рассмотреть. Отвечаю официально: нет, не хочу.

Август изъяснялся предельно прямо, ибо таков был дух времени.

«Никто не считал, что стремление извлечь максимальную выгоду в любой ситуации может уронить достоинство джентльмена». (Из книги «Европейская аристократия», США.)

Джули была полностью сражена. С каждым шагом Августа она невольно отступала. Она никогда не задумывалась об этом: с какой стати герцог Глостерский должен был помогать ей? Из жалости? Жалких людей на свете полно. Август не был похож на тех, кто слепо следовал за её чарами. Даже если бы она попыталась обольстить его — что она и не планировала, — вряд ли вышло бы. Ей следовало подумать о чём-то более весомом, а не надеяться получить помощь, как ребёнок получает конфетку.

Август с Рафаэлем невозмутимо удалились, оставив Джули смотреть вслед их удаляющимся спином. Первая красавица Европы? Ну и что? Он, если что, гомосексуалист.

Шутка.

Август и Рафаэль завершили церемониальный визит в церковь, продемонстрировав жителям Бристоля должное почтение к Церкви, и теперь наконец могли спокойно вернуться в замок, чтобы продолжить своё затворничество.

Зачем вообще нужно было это посещение?

Август подстраховывался, не желая давать титулярному епископу ни малейшего повода для клеветы.

Лорды редко жертвовали на строительство местных церквей, но если бы епископ поднял шум, при всеобщей набожности Август столкнулся бы с суровым осуждением.

Не сомневайтесь — если бы представилась возможность, такой подлец, как титулярный епископ, обязательно бы это сделал, да ещё и с надрывом. Но после этого визита Август мог трактовать события так: епископ пожаловался на нехватку средств, я, не медля, на следующий же день нанёс визит, побеседовал с прихожанами и волонтерами и выяснил, что дело обстоит не так, как он описал. Поэтому деньги я и не дал.

Титулярный епископ, вероятно, тоже это понимал. С кислой миной он проводил бдительных Августа и Рафаэля, надеясь, что Рафаэль, видя его нынешнюю покорность, забудет о прошлых разногласиях.

Ответом Рафаэля стала многозначительная улыбка.

Когда карета тронулась, Август вдруг спохватился:

— Мы оставили кого-нибудь с Джули? Её карета сломана, нельзя же просто бросить её у церкви.

— Оставили, — ответил Рафаэль. — Её благополучно доставят туда, где она остановилась.

Рафаэль всегда был внимателен к деталям.

<http://bllate.org/book/15929/1424070>